

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
ВОСТОКА

XV

ПОВЕСТВОВАНИЕ ВАРДАПЕТА
АРИСТАКЭСА ЛАСТИВЕРТЦИ

ПЕРЕВОД С ДРЕВНЕАРМЯНСКОГО,
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ,
КОММЕНТАРИЙ И ПРИЛОЖЕНИЯ
К.Н. ЮЗБАШЯНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА · 1968

9(С)1
П42

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»:

А. Н. Болдырев, Ю. Е. Борщевский (ответственный секретарь), И. С. Брагинский (заместитель председателя), Ю. Э. Брегель, Б. Г. Гафуров (председатель), П. А. Грязневич, И. М. Дьяконов, М. И. Занд, Г. А. Зограф, Г. Ф. Ильин, У. И. Каримов, А. Н. Кононов (заместитель председателя), Н. И. Конрад, В. М. Константинов, Л. Н. Меньшиков, А. М. Мирзоев, М. С. Султанов, А. С. Тверитинова, Л. С. Хачикян, С. С. Цельникер, Г. В. Церетели.

Ответственный редактор
Р. Р. Орбели

Памятник — важнейший первоисточник по истории Армении XI в. и сопредельных стран, освещавший армяно-византийские отношения, наущество сельджуков, деятельность еретиков-тундракитов.

1-6-4
230-66

СЕРИЯ «ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»

ТЕКСТЫ. БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

- I. Ким Бусик, *Самнук саги*. Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарии М. Н. Пака, М., 1959.
- II. Фирдоусӣ, *Шāх-нâme*. Критический текст.
T. I, под редакцией Е. Э. Бертельса, М., 1960 (изд. 2-е, стереотипное, М., 1963; изд. 3-е, стереотипное, М., 1966).
T. II, под редакцией Е. Э. Бертельса, составители текста А. Е. Бертельс, Л. Т. Гюзальян, О. И. Смирнова, М.-Н.О. Османов, А. Т. Тагирджанов, М., 1962 (изд. 2-е, стереотипное, М., 1963; изд. 3-е, стереотипное, М., 1966).
T. III, составитель текста О. И. Смирнова, под редакцией А. Нушина, М., 1965.
T. IV, составители текста Р. М. Алиев, А. Е. Бертельс и М.-Н.О. Османов, под редакцией А. Нушина, М., 1965.
T. V, составитель текста Р. М. Алиев, под редакцией А. Нушина, М., 1967.
T. VI, составитель текста М.-Н.О. Османов, под редакцией А. Нушина, М., 1967.
T. VII, составитель текста М.-Н.О. Османов, под редакцией А. Нушина, М., 1968.
T. VIII — в печати.
T. IX — готовится к изданию.
- III. Са'дӣ, *Гулистân*. Критический текст, перевод, предисловие и примечания Р. М. Алиева, М., 1959.
- IV. Путешествие Ун-Амуна в Библ. Египетский иератический папирус № 120 Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Издание текста и исследование М. А. Коростовцева, М., 1960.
- V. Зайн ад-Дîn Вâṣîfî, *Wâdâ' al-wâkâ'î*. Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева, т. I—II, М., 1961.

- VI.** Арабский аноним XI века. Издание текста, перевод, введение в изучение памятника и комментарии П. А. Грязневича, М., 1960.
- VII.** Амир Ҳусрау Дихлавӣ, *Маджнӯн и Лайӣ*. Критический текст и предисловие Т. А. Магеррамова, М., 1964.
- VIII.** Юань-чao би-ши (*Секретная история монголов*). 15 цюаней. Т. I. Текст. Издание текста и предисловие Б. И. Панкратова, М., 1962.
- IX.** Мухаммад ибн Хиндӯшҳаҳ Нaхҷивaни, *Дастур ал-кāтиб fī ta'īn al-ma'rātiq* (*Руководство для писца при определении степеней*). Критический текст, предисловие и указатели А. А. Ализаде. Т. I, часть 1, М., 1964.
- X.** Мухаммад ибн Наджӣ Бакрāн, *Джahān-nāme* (*Книга о мире*). [Ч. I.] Издание текста, введение и указатели Ю. Е. Борщевского, М., 1960.
- XI.** Мухаммад ал-Ҳамавӣ, *Am-Ta'rīf al-ma'nūrī* (*Мансурова хроника*). Издание текста, предисловие и указатели П. А. Грязневича, М., 1960 (изд. 2-е, стереотипное, М., 1963).
- XII.** Усама ибн Мунцуз, *Kitāb al-ma'nāvīl wa-d-āyār* (*Книга стоянок и жилищ*). Издание текста, предисловие и указатели А. Б. Халидова, М., 1961.
- XIII.** Мухаммад-Қазим, *Nāme-ii 'ālamārā-ii nādirī* (*Мироукрашающая надирова книга*). Т. I. Издание текста и предисловие Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели Г. В. Шитова, М., 1960 (изд. 2-е, стереотипное, М., 1962).
- Т. II. Издание текста, предисловие и общая редакция Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели и аннотированное оглавление О. П. Щегловой, М., 1965.
- Т. III. Издание текста, предисловие и общая редакция Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели и аннотированное оглавление Н. В. Елисеевой, М., 1966.
- XIV.** Хюсейн, *Beda'u' ul-veka'u'* (*Удивительные события*). Издание текста, введение и общая редакция А. С. Тверитиновой. Аннотированное оглавление и указатели Ю. А. Петросяна. Ч. 1–2, М., 1961.
- XV.** Китайские рукописи из Дунъхуана. Памятники буддийской литературы сүвээньюз. Издание текстов и предисловие Л. И. Меньшикова, М., 1963.
- XVI.** Оцуки Сигэтака и Симура Кокё, *Канкай ибуни* (*Удивительные сведения об окружающих морях*). Тетрадь восемнадцатая. Словарь. Издание текста и предисловие В. Н. Горегляда, М., 1961.
- XVII.** Низамӣ Ганджавӣ, *Лайӣ и Маджнӯн*. Критический текст А. А. Алекскер-заде и Ф. Бабаева, М., 1966.

ТЕКСТЫ. МАЛАЯ СЕРИЯ

- I. Фидā'ӣ, *Kitāb bi xidāyat al-mu'minān aṭ-ṭālibān* (*«История исмаилизма»). По таджикской рукописи издал, предисловием и примечаниями снабдил А. А. Семенов, М., 1959.*
- II. 'Омар Ҳаййāм, *Rubā'iyyāt*. Подготовка текста, перевод и предисловие Р. М. Алиева и М.-Н.О. Османова. Под редакцией Е. Э. Бертельса. Ч. 1–2, М., 1959.
- III. 'Омар Ҳаййāм, *Трактаты*. Перевод Б. А. Розенфельда. Вступительная статья и комментарии Б. А. Розенфельда и А. П. Юшкевича, М., 1961.
- IV. Хорезми, *Мухаббат-наме*. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджипа, М., 1961.
- V. Вторая записка Абӯ Дулафа. Издание текста, перевод, введение и комментарии П. Г. Булгакова и А. Б. Халидова, М., 1960.
- VI. Пэкрён чхoхe. Антология лирических стихотворений рён-гу с корейским переводом. Издание текста, перевод и предисловие Д. Д. Елисеева, М., 1960.
- VII. Нишань самани битхэ (*Предание о нишанской шаманке*). Издание текста, перевод и предисловие М. П. Волковой, М., 1961.
- VIII. Бянъэнь о Вэймоцзе. Бянъэнь «Десять благих знамений» (*Неизвестные рукописи бянъэнь из Дунъхуанского фонда Института народов Азии*). Издание текста, предисловие, перевод и комментарии Л. Н. Меньшикова, М., 1963.
- IX. Михри Ҳатун, *Диван*. Критический текст и вступительная статья Е. И. Маштаковой, М., 1967.
- X. Гомбоджаб, *Ганга-ин урусхал* (*История золотого роба владыки Чингиса. — Сочинение под названием «Течение Ганга»*). Издание текста, введение и указатель Л. С. Пучковского, М., 1960.
- XI. Оросиляку суймудан (*Сны о России*). Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарии В. М. Константинова. Под редакцией академика Н. И. Конрада, М., 1961.
- XII. Амир Ҳусрау Дихлавӣ, *Шārān и Ҳусрау*. Критический текст и предисловие Г. Ю. Алиева, М., 1961 (изд. 2-е, стереотипное, М., 1966).
- XIII. Ахмед Хани, *Мам и Зин*. Критический текст, перевод, предисловие и указатели М. Б. Руденко, М., 1962.
- XIV. Мирзӣ 'Абдал'аզим Самӣ, *Ta'rīf-i salātīn-i manqātīyā* (*История мангытских государей*). Издание текста, предисловие, перевод и примечания Л. М. Епифановой, М., 1962.
- XV. Ссянъчхон кыйбонъ (*Удивительное соединение двух браслетов*). Издание текста, перевод и предисловие М. И. Никитиной и А. Ф. Троцевич, М., 1962.
- XVI. Камалашила, *Бхаванакрама* (*Трактат о созерцании*). Факсимиле с предисловием Е. Е. Обермиллера, М., 1963.

ПЕРЕВОДЫ

- I. Мұхаммад-Қәзім, *Поход Нәдир-шәха в Индию* (Извлечение из Та'ріғ-и 'Аламарә-йи нәдири). Перевод, предисловие и примечания П. И. Петрова, М., 1961.
- II. Законы *Ману*. Перевод С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным, М., 1960.
- III. *Дхаммапада*. Перевод с пали, введение и комментарии В. Н. Топорова, М., 1960 (*Bibliotheca Buddhica*, XXXI).
- IV. 'Абд ар-Раҳмân ал-Джабартый, 'Аджâ'ib ал-асâr фâ-t-тарâджим ва-l- ахbâr (Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий).
- T. III, ч. 1. *Египет в период экспедиции Бонапарта (1798—1801)*. Перевод, предисловие и примечания И. М. Фильшинского, М., 1962.
- T. IV. *Египет под властью Мухаммада 'Алî (1806—1821)*. Перевод, предисловие и примечания Х. И. Кильберг, М., 1963.
- V. *Бригадарыяка упанишада*. Перевод, предисловие и комментарии А. Я. Сыркина, М., 1964.
- VI. Эвлия Челеби, *Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века)*. Перевод и комментарии. Выпуск 1. Земли Молдавии и Украины, М., 1961.
- VII. Арья Шура, *Гирлянда джатак или сказания о подвигах Бодхисаттвы*. Перевод А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой. Предисловие и примечания О. Ф. Волковой, М., 1962.

СЕРИЯ «ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

ВЫШЛИ В СВЕТ

- I. *Сказание о Бхадре (новые листы сакской рукописи «E»)*. Факсимиле текста. Транскрипция, перевод, предисловие, вступительная статья, глоссарий и приложение В. С. Воробьева-Десятовского и М. И. Воробьевой-Десятовской, М., 1965.
- II. 1. *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках*. Часть 1. Надписи X—XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, вступительная статья и приложения Л. И. Лаврова, М., 1966. Часть 2. Надписи XVIII—XX вв. Издание текстов, переводы, комментарий, статья и приложения Л. И. Лаврова, М., 1968.
- III. *Документы на половецком языке XVI в. (судебные акты Каменец-Подольской армянской общины)*. Транскрипция, перевод, предисловие, введение, грамматический комментарий и глоссарий Т. И. Грунина. Под редакцией Э. В. Севортияна. Статья Я. Р. Дацкевича, М., 1967.

- IV. *Китайская классика в тангутском переводе* («Лунъ юй», «Мэн цзы», «Сяо цзин»). Факсимиле текстов. Предисловие, словарь и указатели В. С. Колоколова и Е. И. Кычанова, М., 1966.
- V. Җәхіб, *Дафтар-и дилкушâ* («Сочинение, радующее сердца»). Факсимиле текста. Предисловие, аннотированное оглавление, краткий текстологический комментарий и указатели Р. Хадизаде, М., 1965.
- VI. *Чхандогъя упанишада*. Перевод ссанскрита, предисловие и комментарии А. Я. Сыркина, М., 1965.
- VIII. I. *Документы по истории японской деревни*. Часть 1. Конец XVII—первая половина XVIII в. Перевод, предисловие и приложения О. С. Николаевой, М., 1966.
- IX. Симеон Лехаци, *Путевые заметки*. Перевод с армянского, предисловие, примечания и указатели М. О. Дарбинян, М., 1965.
- XI. *История халифов анонимного автора XI века*. Факсимиле рукописи. Предисловие и краткое изложение содержания П. А. Грязневича. Указатели М. Б. Пиотровского и П. А. Грязневича, М., 1967.
- XIII. *Иодзумо-фудоки*. Перевод с японского, предисловие и комментарии К. А. Попова, М., 1966.
- XIV. *Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР (Письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н. э.)*. Автографические копии, транскрипция, перевод, вводная статья, комментарий и глоссарий Н. Б. Янковской, М., 1968.
- XVI. *Упанишады*. Перевод ссанскрита, предисловие и комментарий А. Я. Сыркина, М., 1967.
- XIX. *Чхунхянджон қвонджитан* («Краткая повесть о Чхунхян»). Факсимиле ксилографа, перевод, предисловие и комментарий А. Ф. Троцевич, М., 1968.
- XX. *Книга правителя области Шан* («Шан цзюнь шу»). Перевод, предисловие и комментарий Л. С. Переломова, М., 1968.
- XXI. Шараф-хан ибн Шамсаддîй Бидлîй, *Шараф-нâме*. Перевод, предисловие, примечания и приложения Е. И. Васильевой, т. I, М., 1967.
- XXIII. Иусûф ибн Закарîйâ' ал-Магрибî, *Даф' ал-иср 'ан кâlâm ahl Misr* («Удаление бремени с речи жителей Египта»). Факсимиле арабской рукописи. Предисловие и указатели А. С. Аввада, М., 1968.
- XXV. *Море письмен*. Факсимиле тангутских ксиографов. Перевод с тангутского, вступительные статьи и указатель К. Б. Кепинг, В. С. Колоколова, Е. И. Кычанова и А. П. Терентьева-Катанского, М., 1968.

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ

- VII. Бхамаха, *Поэтические украшения*. Перевод ссанскрита, предисловие и комментарий Э. Н. Темкина.

- XII. Дэн Си цзы. Перевод с китайского, введение, комментарий и приложение В. С. Спирина.
- XVII. Рашид ад-Дин, *Переписка*. Перевод с персидского, введение и комментарий А. И. Фалиной.
- XXII. Абӯ-л-Фаъл Байхакӣ, *История Mac'ӯda (1030—1041)*. Перевод с персидского А. К. Арендса. Изд. 2, исправленное и дополненное.
- XXIV. Закарий Канакерци, *Хроника*. Перевод с армянского, предисловие и комментарий М. О. Дарбандян-Меликян.
- XXVI. Чжао Хун, *Мэн-да бэй-лу* («Полное описание монголо-татар»). Факсимиле ксилографа. Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения Н. Ц. Мункуева.
- XXVII. Фазлаллāх ибн Рӯзбихān Исфахānī, *Мухмān-nāme-yyi Bughārā* («Записки бухарского гостя»). Факсимиле рукописи. Перевод с персидского, введение, комментарий и указатели Р. П. Джалиловой. Под редакцией А. К. Арендса.
- XXVIII. Древние фудоки (*Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн*). Перевод, предисловие и комментарий К. А. Попова.
- XXIX. Кэнко-хоси, *Записки от скучки*. Перевод с японского, предисловие и комментарий В. Н. Горегляда.
- XXX. Mac'ӯd ибн Nāmdār, *Сборник рассказов, писем и стихов*. Факсимиле текста. Предисловие и указатели В. М. Бейлиса.
- XXXI. Самаркандинские документы (грамоты о вакфах Ходжи Ахрара XV—XIX вв.). Факсимиле арабских и персидских текстов. Перевод, введение и комментарий О. Д. Чехович.
- XXXII. Сыма Цянь, *Исторические записки* («Ши цзи»), т. I. Перевод с китайского, предисловия и комментарий Р. В. Вяткина.
- XXXIII. Тексты Кумрана. Вып. I. Перевод с древнееврейского и арамейского И. Д. Амусина.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К. Н. Юэбашян Аристакэс Ластивертци и его исторический труд</i>	13
ПОВЕСТВОВАНИЕ ВАРДАПЕТА АРИСТАКАЭС ЛАСТИВЕРТЦИ О БЕДСТВИЯХ, ПРИНЕСЕННЫХ ОКРУЖАЮЩИМИ НАС ИНОРОДНЫМИ ПЛЕМЕНАМИ	
I. События в Армении	55
II. Об Армянском царстве	58
III. О втором нашествии императора на Тайк, где иверские войска потерпели поражение	63
IV. О последней битве в Шайбай	68
V. Царствование Константина	69
VI. Как царствовал Роман	71
VII. Взятие города Урни	72
VIII. Кончина Романа	73
IX. Царствование Михаила	74
X. Царствование Константина, Мономаха по прозвищу, сына Феодосия	78
XI. О побоище в гаваре Басеан и близ горы Смбата	86
XII. О беспощадной резне в Ардне	90
XIII. О великой битве в долине Басеана, в которой ромеи понесли поражение	94
XIV. До каких пор патриарх Петрос пребывал в Константинополе и как вернулся	95
XV. О страшном бедствии, постигшем цветущий город Карс	96
XVI. О нашествии Султана	97
XVII. Конец царствования Мономаха	104
XVIII. Царствование Феодоры, что в переводе значит Богоданная	107
XIX. О разорении Междуречья и тамошних городов и об [учиненном там] страшном избиении	114
XX. Царствование Комиана	115
XXI. Гибель Мелитины — цветущего города	115

Содержание

XXII. О нечестивой секте фондракцев, которая объявилась в газаре hАрк и многих заразила смутой	118
XXIII. Надлежит поведать о том, как и в пределах Мананали вспыхнуло пламя заблуждения	122
XXIV. Об избиении мечом прославленного на весь мир города Ани	128
XXV. О греческом императоре, полоненном персидским царем	137
Памятное слово настоящего сочинения	134
КОММЕНТАРИЙ	139
ПРИЛОЖЕНИЯ	175
Список литературы, использованной при переводе	177
Список сокращений	180
Указатель имен	181
Указатель географических и этнических названий	186
Терминологический указатель	190
SUMMARY	191

*Дорогой памяти
Иосифа Абгаровича Орбели*

**АРИСТАКЭС ЛАСТИВЕРТЦИ
И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЙ ТРУД**

XI в. в истории Армении — время, насыщенное бурными событиями. Расцвет и последовавший за ним упадок политического могущества Анийского царства, захват армянских территорий Византией, нашествие сельджуков, разорение городов, массовые избиения и пленения, наконец, напряженная классовая и политическая борьба, усугубленная неизбежной феодальной междоусобицей, — все это оставило в сознании современников глубокий, неизгладимый след. Не удивительно, что эта эпоха дала писателя, сумевшего если не раскрыть, то хотя бы показать наиболее значительные явления своего времени.

Содержательность, достоверность изложения в сочетании с непосредственностью восприятия и, наконец, образность, порой подлинная художественность обеспечили «Повествование» Аристакэса Ластивертци почетное место в ряду лучших памятников армянской средневековой историографии. Аристакэс не сторонний наблюдатель. Он глубоко переживает события своей эпохи и всеми доступными ему литературными средствами стремится довести свои мысли и чувства до читателей. А в их памяти еще были живы описываемые автором события, близки и понятны его политические идеи.

Сведения, которыми мы располагаем об авторе «Повествования», весьма скучны. Как явствует из заглавия его труда, он был *вардапетом* — так в средние века называли ученого, который принадлежал к духовенству, но мог не исправлять богослужебных треб и быть непричастным к обрядам церкви. Это звание (и его атрибут — вардапетский посох) получали после специального экзамена. *Вардапеты* могли жить как в монастырях, так и при дворцах царя или католикоса.

Вторая часть имени автора «Ластивертци» показывает, что он происходит из местечка Ластиверт. В главе X «Повествования», говоря об Ардне (городе, расположенному в то время к северу от нынешнего Эрзрума), Аристакэс называет его «нашим городом». На этом основании полагают, что Ластиверт находился близ Ардна. Широкая осведомленность в истории преимущественно византийской Армении (как и самой Бизантии) в какой-то степени может быть обусловлена западноармянским происхождением нашего автора.

«Повествование» было создано после 1072 г. В главе XXV Аристакэс упоминает о смерти сельджукского султана Алпа-Арслана (1063 — 1072) — очевидно, он писал свой труд вскоре после этой даты, под впечатлением недавно пережитых событий. Аристакэс был очевидцем восстания Никифора Фоки против византийского императора Василия II в 1022 г., стало быть, он закончил свой труд в старости. Матфей Эдесский, завершивший свою летопись в 1136 г., упоминает Аристакэса среди церковных писателей X—XI вв. и говорит о нем как об уже умершем¹. На основании текста «Повествования» terminus ante quem определяется точнее. В главе VII Аристакэс рассказывает о взятии Эдессы в 1031 г. византийцами и добавляет: «С тех пор и поныне город подвластен ромеям». Сельджуки заняли город в 1087 г.², следовательно, сочинение было написано до этой даты.

Таким образом, хронологическими пределами создания нашего памятника следует считать 1072 и 1087 гг. Если к сказанному прибавить, что авторству Аристакэса Ластивертци приписываются богословские сочинения о рождестве Иисуса и о разговении, то этим наличествующие биографические сведения будут исчерпаны³.

¹ Матфэос Урбайеци, стр. 179; франц. пер., стр. 151 (все библиографические ссылки даются в сокращенном виде, за исключением изданий, упоминаемых только один раз; см. «Список литературы, использованной при переводе»).

² Там же, стр. 236; франц. пер., стр. 198; С. Cahen, *Première pénétration*, р. 49.

³ Гарегин [Зарбаналиян], *История древней армянской литературы*, Венеция, 1894, стр. 592—595 (на арм. яз.); Г. Алишан, *Хайапатум*,

Сочинение Аристакэса Ластивертци состоит из ритмического пролога, 25 глав и послесловия — духовной, по выражению Н. Эмица, средневековых летописцев. События излагаются в определенной хронологической последовательности⁴, автор избегает экскурсов, и каждая глава представляет собой законченный очерк, посвященный определенному историческому событию. В «Повествовании» нетрудно выделить три темы, вокруг которых ведется изложение. Это Византия и армяно-византийские отношения, нашествия сельджуков и, наконец, деяния «нечестивых» еретиков-тондракитов.

Обратимся к разбору соответствующих глав сочинения, помня о том, что труд создан страстным публицистом и освещение, которое дает Аристакэс тому или иному факту, позволяет судить о его общественных и политических взглядах, ярко характеризует его мировоззрение. Это особенно важно, поскольку основные идеи памятника в известной мере отражают общественные настроения 70-х годов XI в. Хронологическими гранями «Повествования» являются 1000 и 1071 гг., но для уяснения описываемых событий следует сделать небольшой экскурс в историю багратидской Армении, коснувшись при этом и некоторых специфических моментов армяно-византийских отношений.

* * *

В 886 г. армянская феодальная знать возвела на престол князя князей Армении Ашота Багратуни. Халифат признал его верховные права, и арабский правитель (остикан) Ахмад ибн 'Иса от имени Мутаваккиля вручил Ашоту царскую корону, пожаловал ему царские одеяния, ценные дары, благородных коней, дорогое оружие и украшения.

Этот акт не был признанием царской династии: сыну Ашота, Смбату I, дважды пришлось испрашивать корону.

Венеция, вып. I, 1901, стр. 91 (на арм. яз.); Абегян, *История древне-армянской литературы*, стр. 32—43.

⁴ Исключение составляют лишь главы XXII и XXIII.

Аристакэс Ластиверти и его исторический труд

Более того, принимая от халифа царский венец, Ашот как бы признавал свою вассальную зависимость. Халифат не скоро примирился с утратой Армении, и страна не раз еще подвергалась арабским нашествиям. Тем не менее это был очень важный шаг по пути завоевания собственной государственности, навсегда, казалось, утраченной в V в. Более 400 лет Армения была данницей сасанидского Ирана, Византийской империи и арабского халифата, предпринимала героические попытки к освобождению, но соотношение сил было слишком неравным и восстания в большинстве случаев жестоко подавлялись. Но когда в IX в. обнаружились явственные признаки разложения халифата, Армения начала борьбу за утверждение собственной государственности. Вслед за арабами и Византия признала Ашота царем. Византийское правительство надеялось, что Армения останется одной из имперских провинций, и признанием царской власти стремилось, с одной стороны, утвердить (подобно халифату) свои верховные права, с другой — не допустить безраздельности арабского влияния. В дальнейшем, на протяжении десятилетий, армянским династам приходилось лавировать между мусульманским халифатом и христианской империей.

Первоначально власть Багратидов распространялась на сравнительно ограниченную территорию северной Армении. Ашот I и его преемники стремятся расширить пределы своего государства, но повсеместно наталкиваются на упорное сопротивление феодальных владетелей. Осуществлению великой задачи Багратидов — созданию единого армянского государства — мешала и сложная внешняя обстановка: арабы время от времени предпринимали грабительские набеги и натравливали друг на друга отдельные феодальные фамилии.

И все же к концу X в. значительная часть Армении сбросила арабское иго. Мелкие эмирата были упразднены и в большинстве случаев заняты византийскими войсками.

К X в. значительная территория северной Армении находилась под властью Багратидов. При Ашоте III (952—977) малоприметная в прошлом крепость Ани стала столицей

Аристакэс Ластиверти и его исторический труд

Ширакского царства и в известном смысле общеармянской столицей.

Южнее Ширака, вокруг оз. Ван и на восток от него, располагалось Васпураканское царство. Там правили наиболее могущественные после Багратидов Арцруниды. Соперничество между ними и Багратидами принимало самые острые формы. В 908 г. эмир Йусуф вручил Гагику Арцруни (908—943) присланную халифом царскую корону, стараясь пресечь растущее влияние ширакских царей.

Западнее Ширакского царства было расположено Ванандское со столицей в Карсе. Здесь правили представители боковой ветви Багратидов, которые находились в вассальной зависимости от ширакских царей.

В 970 г. в юго-восточной Армении образовалось новое княжество — Сюнийское, которое, как и Ванандское, зависело от Багратидов Ширака. Центром Сюника поначалу был Сисиан, а затем Капан.

Во второй половине X в. в северной Армении возникло Ташир-Дзорагетское, или Лорийское, царство с центром в Лорэ, где также правили представители рода Багратидов.

Помимо этих чисто армянских государственных объединений крупную политическую роль играет Тайское княжество со смешанным армяно-грузинским населением. С 60-х годов X в. здесь правит Давит Куропалат, один из могущественнейших феодальных династов Закавказья.

В это время Армения переживает период экономического подъема, который захватил и сельское хозяйство и ремесло. «Хутора превратились в села, а села — в города», — рассказывает современник. Крепнет и ширится вотчинное хозяйство. В городах развивается ремесленное производство. Особой известностью пользуются армянская керамика и ткани, металлические изделия и ковры. Идет интенсивное городское строительство, возводятся неприступные замки. Как старые города (Двин, Ван), так и новые (Ани, Арцн, Карс, Хлат, Лорэ) вовлекаются в международную торговлю. По Армении проходят крупнейшие караванные ~~дороги~~.

Аристакэс Ластивертци и его исторический труд

В период правления Гагика I Багратуни (990—1020) Армения достигает высшего расцвета. В 990-х годах Гагику удается овладеть Двином, древней столицей Армении, который на протяжении трех столетий был оплотом арабского владычества в Закавказье. Лорийское, Ванандское и в известной степени Васпураканское царства признают власть Гагика. С его правления и начинает Аристакэс Ластивертци свое «Повествование»⁵.

Расцвет Анийского царства совпал с периодом, когда Византийская империя повела решительную борьбу против крупных и мелких арабских правителей, стремясь вернуть свои малоазиатские провинции. При Никифоре Фоке (963—969) и его преемнике Иоанне Цимисхии (969—976) в руках Византии оказались Крит и Кипр, северная Сирия с Антиохией и Алеппо, значительная часть Палестины и Киликии. Объектами византийских завоеваний становятся также Армения и Грузия. На протяжении X—XI вв. Византия неуклонно стремится утвердить свои верховные права над армянскими областями и одновременно способствует дальнейшей иммиграции в империю многочисленных представителей армянских феодальных фамилий. Первым значительным шагом на этом пути явился захват Тарбона.

Плодородная Тарбонская область, расположенная в долине р. Арацани, западнее оз. Ван, вотчина крупнейшей феодальной фамилии Мамиконеанов, в середине IX в. отошла к представителям боковой ветви Багратидов. На протяжении нескольких десятков лет византийское правительство, с одной стороны, покровительствовало местным феодалам, жаловало им титулы и имения, а с другой — разжигало междоусобицу. Византийское влияние в Тарбоне было очень велико, и в 966 г., после смерти Ашота Багратуни, эта область была аннексирована. Византийское владычество, однако, вызывало

⁵ Общих работ, посвященных Армении эпохи Багратидов, имеется очень мало. См.: А. Грен, *Династия Багратидов в Армении*; Марр, *Ани*; R. Grousset, *Histoire d'Arménie*, Paris, 1947; «История армянского народа».

Аристакэс Ластивертци и его исторический труд

острое недовольство, и, когда в 976 г. крупный малоазийский магнат Варда Склир поднял восстание против императора Василия II, к нему немедленно примкнули сыновья Ашота Багратуни — Григор и Багарат, хотя еще совсем недавно Никифор Фока пожаловал им сан патриция и одарил доходными имениями. Надо отметить, что роль армян в этом восстании очень велика: армянские отряды византийского войска первыми признали Склира императором⁶.

В главе III «Повествования» Аристакэс упоминает об этом восстании в связи с отложением Никифора Фоки.

Подчинив Тарбон, Византийская империя начала решительное наступление на армяно-грузинскую область Тайк (Тао). Предыстория захвата Тайка теснейшим образом связана с восстанием Варды Склира.

Известно, что восстание приобрело громадный размах, византийские властители в Малой Азии один за другим призывают к Склиру, правительственные войска терпели поражение. «Мятежник» дошел до Никеи и собирался двигаться на Константинополь. Положение стало угрожающим. И тогда паракимомен Василий, который при дворе Василия II и Константина фактически был регентом, предложил призвать на помощь другого малоазийского магната, Варду Фоку, томившегося в монастыре на о-ве Хиосе. В битве при Панкалии (близ города Амория) 19 июня 978 г. и в сражении при местечке *Βασιλίκη Θέρμα* (в византийской феме Харсиане) Варда Фока потерпел поражение. Тогда обратились за помощью к Давиду Куропалату. С Афона прибыл принявший схиму военачальник Торник, и под его командованием 12 тыс. солдат Давида помогли Варде Фоке нанести Склиру поражение во втором сражении при Панкалии 24 марта 979 г.⁷. В благодарность Давид получил в пожизненное

⁶ О Тарбоне в «Багратидское время» см.: N. Adontz, *Les Taronites en Arménie et à Byzance*, — «Byzantion», IX, 1934, 2; X, 1935, 2; XI, 1936, 1.

⁷ В своей интереснейшей статье, посвященной Торнику, Н. Г. Адонц (N. Adontz, *Tornik le Moine*, — «Byzantion», XIII, 1938, 1) высказывает соображения по поводу того, что Варда Фока лишь дважды встречался

Аристакэс Ластиверти и его исторический труд

владение обещанные ему земли южнее Тайка⁸. Часть пожалованных земель фактически уже принадлежала Давиду, часть пришлось отвоевывать у мусульманских династов.

В 987 г. началось новое восстание, и давние противники Варда Фока и Варда Склира были объявлены императорами (в главе III Аристакэс вспоминает и об этом восстании). Фока вскоре предал Склира и двинулся к византийской столице. На этот раз Давид Куропалат ориентировался на Фоку-посланца. Но прибывшая из Киева варяго-русская дружина помогла Василию II одержать победу, и в апреле 989 г. Варда Фока пал на поле битвы. Покончив с узурпатором, византийский император направил войска против Давида Куропалата. «И просил Давид, царь грузин, у царя Василия прощения и пощады и обещал ему повиновение и покорность и что его владения после его смерти будут присоединены к его (Василия) государству ...» — рассказывает об этих событиях хорошо осведомленный автор Яхъя Антиохийский⁹. Следует думать, что мир был куплен признанием пожизненных прав не только на приобретенные территории, но и на вотчинные владения Давида¹⁰. После смерти тайского династа Василий II не преминул воспользоваться своими правами.

со Склиром — в битве при Панкалии и в сражении при *Василікѣ Өёрга*. Вопреки изложению византийского писателя Склицы второго сражения при Панкалии не было. Вопрос нуждается в дальнейшей разработке, поэтому я не решился безоговорочно принять точку зрения Н. Г. Адонца.

⁸ См. карту «Армения на рубеже X—XI вв.» в изд.: С. Т. Еремян, *Атлас к книге «История армянского народа», ч. I* (изд. 1951 г.), Ереван, 1952.

⁹ Цит. по: В. Р. Розен, *Император Василий Болгаробойца*, стр. 27₇₋₁₀.

¹⁰ По мнению Н. Г. Адонца, высказанному в цитированной выше статье, византийские территории были уступлены Давиду после восстания Варды Фоки — это интересная, но спорная точка зрения. Об участии грузин в этих движениях см. Н. Ломоури, *К истории восстания Варды Склира*, — «Труды Тбилисского государственного университета», 1957, № 67.

Аристакэс Ластиверти и его исторический труд

31 марта 1000 г. Давид Куропалат был отравлен своими вассалами, подкупленными, очевидно, Василием II. Когда весть об этом дошла до императора, он поспешил в Тайк. С этих событий и начинается «Повествование». Согласно нашему автору и Асолику, император щедро одарил тайских феодалов, и они, «получив утверждение в своих владельческих правах и высокие титулы, радовались и ликовали». Навстречу Василию вышли также абхазский царь Баграт и его отец, царь Восточной Грузии Гургэн. Первый был возведен в достоинство куропалата, второй — магистра. Однако эта идиллия не могла скрыть истинных намерений императора: Василий II стремился приобщить Тайк к своим владениям. Отношения между императором и местными феодалами были весьма напряженными, и достаточно было небольшого повода, чтобы началось настоящее сражение. Сопротивление тайских феодалов было сломлено, на поле боя осталось до 30 знатнейших местных династов. В изложении Яхъя Антиохийского нет красочных подробностей, свойственных рассказам Аристакэса и Асолика, но он точнее передает сложившуюся в Тайке обстановку: «И принял царь все страны грузин и назначил над ними от себя правителей из греков»¹¹.

Борьба за Тайк продолжалась. Уже в 1001 г. грузинский царь Гургэн попытался овладеть Тайской областью. Василий двинул против него войска под командованием Каникла (Никифора Урана), но лишь к зиме стороны пришли к полюбовному соглашению и Гургэн уступил¹². Часть исконных владений Давида Василий пожаловал (очевидно, пожизненно) царю Баграту III. В 1014 г. Баграт скончался, и ему наследовал сын его Георгий. Василий немедленно потребовал возвратить эти земли империи. Георгий решительно отказался сделать это, и Василий вынужден был временно забыть о своих притязаниях. Но «это было началом гибели Тайской страны», горестно замечает Аристакэс (стр. 58).

¹¹ Цит. по: В. Р. Розен, *Император Василий Болгаробойца*, стр. 41₃₁₋₃₂.

¹² Асолик, стр. 278—279; русск. пер., стр. 201—202.

Аристакэс Ластиверти и его исторический труд

Действительно, в 1021 и 1022 гг. Василий II предпринимает походы на восток, чтобы окончательно вступить во владение завещанными ему Давидом Куропалатом территориями, на которые продолжал претендовать Георгий. В главах II, III и IV Аристакэс подробно описывает кровавые события этих лет, в результате которых Василий овладел значительной частью принадлежавших Давиду земель¹³.

В те же годы к Византии отошло и Васпуракансское царство. Уже в 1000 г., когда Василий II прибыл в Тайк, к нему явились васпураканские правители — братья Гургэн и Сенекерим Ардруни. Император, рассказывает Асолик, щедро одарил их и стремился оградить Васпуракан от нашествий соседних мусульманских правителей¹⁴. В 1016 г. Васпуракан подвергся набегу тюркской орды. Напуганные этим нашествием и тюркским же нападением на Нахчаван и Двин в 1021 г. царь Сенекерим и его брат и соправитель Дереник уступили свои владения Византии. Империя, рассказывает историк, получила 72 крепости и 4400 деревень (цифра, разумеется, преувеличенная). Васпуракан был превращен в катепанат, во главе которого поставили Василия Аргира, а затем Никифора Комнина. Сенекерим вместе со всей семьей, в том числе сыновьями Давидом, Атбомом, Абусаидом, переселился в Каппадокию, ему был пожалован титул патриция. Он стал стратигом Каппадокии и получил города Севастию, Лариссу и Авару. Армянские и византийские авторы (равно как и Яхъя Антиохийский) описывают это событие как мирное переселение. Между тем следует думать, что обмен владениями произошел не только под впечатлением тюркского набега, но и вследствие византийского национализма. Во всяком случае уже в 1021 г. сын Сенекерима Давид оказался в числе участников антиправительственного заговора Никифора Фоки (которому, впрочем, он вскоре изменил).

¹³ Z. Avalichvili, *La succession du curopalate David d'Ibérie, dynaste de Tao*, — «Byzantion», VIII, 1933, 1, p. 199.

¹⁴ Асолик, стр. 280—281; русск. пер., стр. 203—204.

Аристакэс Ластиверти и его исторический труд

О переселении Сенекерима в Византию Аристакэс вспоминает в главе III, причем ошибочно полагает, что сам Сенекерим (а не его сын Давид) принял участие в заговоре против Василия.

Наиболее значительным, хотя и кратковременным достижением византийской политики на Востоке явился захват Анийского царства. Утверждение империи в Васпуракане, Тайке и соседних областях не оставляло никаких сомнений в характере и целях византийской политики на Востоке. Опасаясь за судьбы Анийского царства, сын и преемник Гагика I Йовханиэс-Смбат (1020—1041) заключил союз с грузинским царем Георгием I, который продолжал сопротивляться византийской экспансии. Когда в 1000 г. Василий II впервые прибыл в Тайк, царь Гагик гордо отказался выйти ему навстречу¹⁵. Ныне же времена были не те; анийский царь, не чувствуя за собой реальной силы, явился вскоре с повинной. Немалую роль сыграла при этом, очевидно, и провизантийская группировка при армянском дворе, влияние которой быстро возрастало. Согласно «Повествованию», важнейшему литературному источнику по истории захвата Анийского царства Византийской империей, и другим памятникам, Василий вынудил армянского царя признать свои владения пожизненными и завещать их Византии. В 1041 г. скончались Йовханиэс-Смбат и его брат Ашот IV. Глава провизантийской группировки, регент Саргис (носивший византийский титул веста), предпринял попытку захватить власть, но другая партия, возглавляемая прославленным полководцем Ваһрамом Паһлавуни, встала на защиту сына Ашота — юного Гагика II. Началась борьба между регентом и малолетним царем, и последнему с немалым трудом удалось вступить в Ани. В то же самое время византийские отряды пытались занять Армению. «Когда весть о смерти [армянского] царя достигла ушей ромейского самодержца, — рассказывает Аристакэс в главе X, — он счел, что грамота об Армении

¹⁵ Асолик, стр. 277—278; русск. пер., стр. 201.

[утверждает его право] на наследственную собственность, и приступил к захвату города Ани и [всей] страны (стр. 81).

Население страны мужественно сопротивлялось, и император Константин Мономах, чтобы добиться успеха, решил заманить Гагика в Константинополь. Под наjjимом провизантийски настроенных царедворцев Гагик покинул свою столицу и более туда не вернулся. Армянские писатели, в особенности Матфей Эдесский, неизменно обращают внимание на тот почет, которым окружили в Византии армянского царя, но они не в силах скрыть трагической действительности. Гагик оказался в почетной ссылке: ему был пожалован титул магистра, он получил прибыльные земли в Каппадокии, Харсиане и Ликанде, и после этого византийцы смогли занять все Анийское царство. Как и Васпуракан, оно было обращено в катепанат. В то же время, когда византийские войска осаждали Ани, один из крупнейших армянских феодалов Григор Пацлавуни отказался от прав на свою вотчину и переселился в Византию, получив титул магистра и земли в Месопотамии.

В 1064 г. сходным же образом империя овладела Ванандским (Карским) царством.

Византийской империи, армяно-византийским отношениям в «Повествовании»делено значительное место. Аристакэс отлично знаком с внутренним устройством Византийской империи, хорошо знает административную терминологию. Он широко пользуется такими специфическими терминами, как *паракимонен*, *анбипат*, *орфанотроб*, *руга*, *доместик*, употребляя их в арменизированной форме, бытовавшей в армяноязычной среде: *парекиманос*, *антипатос*, *бртанорос*, *хрг*, *демесликос*. В его лексике встречаются кальки таких терминов, как *прония*—*хог*, *динат*—*հզօր*. Осведомленность Аристакэса в вопросах, связанных с византийской действительностью, носила не только книжный характер, так как он происходил из той части Армении, которая с конца IV в. была включена в состав империи.

Отношение Аристакэса к Византийской империи весьма различно. В тех случаях, когда автор повествует о стране

греков и ее правителях вне зависимости от Армении, он выступает лишь в качестве моралиста. Описывая, например, царствование Михаила V Калафата, усыновленного и возведенного на престол Зоей, Аристакэс пишет: «Но кесарь вместо благодарности императрице за добро замыслил со слать ее с родными на отдаленные острова, дабы власть принадлежала только ему и его близким» (стр. 77). Михаил V царствовал очень недолго и по приказу сестры Зои, Феодоры, был ослеплен. «А император, который еще вчера пребывал на золотом престоле и повелевал вселенной, сегодня ослеплен и восседает на седалище тщеты и поношения. И те, кому казалось, что они будут вечно владеть морем и сушей, в единое мгновение лишились возможности спасти самих себя... Такова история переменчивой судьбы кесаря...» (стр. 78). Такой сентенцией заканчивает Аристакэс главу IX. В другом месте Аристакэс рассказывает об императоре Романе Аргире, который приказал схватить сирийского епископа, остричь ему бороду, посадить на осла, провести по площадям и улицам Константиноцоля, а затем заковать в железо; несчастный умер в оковах. Аристакэс порицает Романа за его приверженность к халкидонитству и объявляет, что за подобные прегрешения ромеев вскоре постигло наказание божье: арабы напали на византийские отряды и учили страшное избиение (глава VI).

Гораздо интереснее проследить за мыслями историка, когда он повествует об армяно-византийских отношениях. Современник и очевидец того, как Византийская империя дипломатическими средствами и силой оружия смогла наконец захватить значительную часть армянских территорий, Аристакэс, казалось бы, должен был выступить ярым противником византийского владычества. Однако его отношение к Василию II, который на протяжении двух десятилетий вел борьбу за овладение Тайком и создал предпосылки для дальнейшего захвата Анийского царства, не оправдывает это предположение.

Выше говорилось, что в главе I «Повествования» речь идет о том, как был убит Давид Куроналат, причем грузин-

Аристакэс Ластиверти и его исторический труд

ские феодалы, отравившие Давида под пасху 1000 г., были спровоцированы не кем иным, как Василием II.

Симпатии Аристакэса целиком на стороне Давида: «был он могучий и щедрый созидатель, пекся о бедных и воинству [воплощал] мирное начало, ибо в его время каждый отдыхал под своим виноградным кустом и смоковницей» (стр. 56). Автор с удовлетворением отмечает, что убийцы «блаженного мужа» понесли заслуженное наказание; он явно догадывается, кто стоял за спиной отравителей: тайские азаты «задушили блаженного мужа, ибо были недовольны его действиями и уповали на обещания, данные до этого императором» (стр. 56). И тем не менее историк не порицает Василия II, бесстрастно повествует об административных мерах, проведенных в отошедших к Византии провинциях, и завершает рассказ сообщением, что после этого Василий мирно пустился в путь и прибыл в свой царственный город Константинополь. «Это было в 450 году (армянской эры, т. е. 1001-1002 г. нашего летосчисления.—К.Ю.), и в стране на 14 лет воцарился мир».

В 1021 г. Василий совершил новый поход на Восток, чтобы утвердиться в завещанных ему Давидом Куропалатом областях. Грузинский царь Георгий I оказал византийским отрядам сопротивление. Началось ужасное побоище, жертвой которого явилось мирное население захваченных городов и сел. Со свойственным ему жаром Аристакэс рисует страшную картину резни, учиненной византийскими отрядами. Но эти бедствия вызваны, по его мнению, богохульством грузин либо обусловлены жестокостью «западного войска, набранного из диких племен». Сам же император выступает в роли грозного мстителя, защитника своих законных интересов: «Боже, где твое милосердие! Сколь безжалостен приказ императора! Но и совершенное не смягчает его гнева, он вновь и вновь поднимает десницу, чтобы умножить эти бедствия новыми!» (стр. 62). Вообще же Василий для нашего автора — «могущественный император, постоянный победитель в войнах, подчинивший множество стран, увлеченный подвигами мужества» (стр. 71).

Аристакэс Ластиверти и его исторический труд

Аристакэс превосходно осведомлен о том, что в 1021 г. армянский царь Йовханиэс-Смбат завещал Анийское государство византийскому василевсу. Более того, он с безнадежностью заключает, что то была «грамота о гибели Армении!». И при всем этом — откровенный питет к памяти автократора. Все это заставляет думать, что во времена Василия II и Константина VIII византийская дипломатия предпринимала настойчивые и небезуспешные попытки уверить армянскую знать в дружественных намерениях империи. И если, основываясь только на интересующем нас памятнике, о подобных шагах можно лишь догадываться, то у Матфея Эдесского (завершившего свой труд, собственно основную его часть, в 1136 г.) сохранилась выразительная реплика. Матфей рассказывает, что накануне смерти Василий призвал к себе будущего Константина VIII и обратил его внимание на Армению, дабы тот «отечески покровительствовал этому народу»¹⁶. Матфей сохранил отголосок тех настроений, которые у Аристакэса нашли лишь опосредованное выражение. Впрочем, и в «Повествовании» мы находим отрывок, который призван иллюстрировать дружелюбное отношение последних императоров Македонской династии к Анийскому царству. По словам автора, накануне смерти император Константин VIII вызвал к себе армянского иерея Кюракоса, вручил ему грамоту по поводу Армении и сказал: «Доставь это письмо, передай царю Армении. И скажи ему, что нас, как и всех смертных, достиг зов смерти, поэтому, мол, возьми свою грамоту и передай царство сыну своему, а сын твой — своим отпрыскам навечно!» (стр. 80). Кюракос же, заключает автор, припрятал грамоту, затем продал ее Михаилу IV, став виновником величайших бедствий армянского народа.

Апокрифичность этого известия доказательств не требует, но характерно, что Аристакэс включил его в главу X, посвященную захвату Ани, стремясь тем самым противопоста-

¹⁶ Матфэос Урбайеци, стр. 55; франц. пер., р. 43.

вить политику Василия и Константина захватническим действиям Мономаха.

Действительно, те страницы «Повествования», которые посвящены захвату Анийского царства, проникнуты иным настроением. В речи Аристакэса явственно заметны нотки осуждения византийской политики. В 1041 г. умер царь Йовнаннэс-Смбат. Анийское царство перешло во власть империи. Наш автор порицает Константина Мономаха за вероломство: Ани был захвачен «не по закону войны, но лукавой речью». Он вспоминает о завещании Йовнаннэса-Смбата: «Все это постигло Армению из-за сделки, о которой мы недавно упомянули. Этот торг кажется мне более бесчеловечным, чем Иудин, ибо в том случае продавший достоин осуждения, но сама сделка явилась уплатой за спасение всего человечества...». Этот же торгаши (имеется в виду иерей Кюракос. — К.Ю.) нагл и бесчеловечен, ибо явился причиной стольких зол» (стр. 83—84). Привлекая многочисленные цитаты из священного писания, автор клеймит Мономаха за многие злодеяния по отношению к Армении и армянской церкви. Чтобы усилить впечатление, Аристакэс тщательно собирает и преподносит множество сведений о беспутстве и чревоугодии императора. Но даже в главе, посвященной падению Анийского царства, Аристакэс Ластивертци не столько осуждает империю и ее захватническую политику, сколько оплакивает бедственный «конец страны нашей Армянской»: «В эти дни ромейские войска в своем написке четырежды вторгались в Армению, пока мечом, огнем и взятием в полон не обратили всю страну в безлюдье. Когда я вспоминаю об этих бедствиях, дух мой смущается, мысли останавливаются, ужас вызывает дрожь в руках, и я не в силах продолжать повествование, ибо горек рассказ мой, он достоин великих слез» (стр. 81—82).

Сводя воедино главы и страницы «Повествования», посвященные Византийской империи, мы особенно отчетливо видим двойственное отношение Аристакэса к византийской политике в Армении. В отдельных случаях он страстно обличает вероломство василевсов, но признать империю вра-

гом не решается. Оплакивая утраченное благодеяние армянского народа и вспоминая славное прошлое, наш автор горестно замечает: «Помимо княжества Куропалата и территорий, подвластных ромеям, в Армении были четыре царских престола. Была великая патриаршая власть,зывающая зависть среди всех народов...» (стр. 106). Таким образом, византийское владычество как таковое представляется ему столь же естественной формой правления, что и царская власть в Армении.

Еще за несколько лет до создания интересующего нас памятника отношение к Византийской империи было одним из критериев политической ориентации. Чьи взгляды могло отражать «Повествование»? Разумеется, не той части армянского феодального общества, которая стала на откровенно провизантийскую точку зрения и в 40-х годах XI в. группировалась вокруг веста Саргиса и католикоса Петроса. Но Аристакэс, видимо, был далек от группировки, возглавляемой Ваһрамом Паһлавуни, оказавшей решительное сопротивление византийской экспансии. Аристакэс Ластивертци — выражитель настроений той группы, которая признала византийское владычество со всеми его последствиями естественным modus vivendi и вольно или невольно примирилась с имперским правопорядком. И тогда становится понятным, почему он столь бесстрастно повествует о переселении в Византию васпураканского царя Сенекерима или будущего дука Месопотамии Григория Магистра. Если учесть, что автор жил в давно «византинизированных» областях Армении, подобное мировосприятие станет еще более оправданным.

* * *

Главная тема «Повествования» — нашествие тюрок-сельджуков. Это событие и послужило толчком к созданию интересующего нас памятника: ведь Аристакэс повествует «о бедствиях, принесенных окружающими нас инородными племенами». Согласно армянским источникам, впервые тюрки проникают в Армению в 1016 г. Против появившегося

Аристакэс Ластиверти и его исторический труд

в Васпуракане тюркского отряда, рассказывает Матвей Эдесский, выступил царевич Давид, но вынужден был отступить. «До этого [армяне] никогда не видели тюркской конницы. Когда же встретились, поразились их облику. То были лучники с распущенными, как у женщин, волосами, армянское же войско не умело защищаться от стрел», — повествует хронист¹⁷. Об устрашающем впечатлении, произведенном тюрками, рассказывает также продолжатель Фомы Арцруни. Если верить источнику, именно этот набег заставил царя Сенекерима Арцруни покинуть Васпуракан и переселиться в Византию¹⁸.

В 1021 г. тюрки снова напали на Армению. Их отряд дошел до Двина, но навстречу вышел князь Васак Панлавуни и одержал над ними победу¹⁹. С начала же 30-х годов XI в. на Армению совершают нападения отряды собственно сельджуков²⁰.

Но настоящее нашествие на Армению началось в 1047/48 г. К этому времени огузские племена, во главе которых стояли Тогрул-бек Мухаммад, Чагры-бек Давуд — внуки Сельджука, дядя Тогрул-бека Ибрахим Янал и Кутулмыш, представляли собой значительную силу. Они нанесли поражение династии Газневидов. В августе 1038 г. тюрки заняли Нишапур, и с тех пор имя Тогрул-бека произносилось во время пятничной молитвы. 22 мая 1040 г. последний Газневид Масуд в битве при Данданакане был обращен в бегство. Значительные массы огузов двинулись к Азербайджану, вторглись в Армению и Верхнюю Месопотамию. Это нападение, завершившееся в 1071 г. поражением византийского войска в битве

¹⁷ Там же, стр. 46—49; франц. пер., стр. 40—43.

¹⁸ Товма Арцруни, стр. 306 (древнеарм. текст).

¹⁹ Вардан, стр. 131 (древнеарм. текст). В тексте Вардана упоминается Туѓрил-бек, однако, видимо, здесь речь идет не о сельджуке Тогрул-беке, а либо об одноименном лице, либо произошла контаминация событий. К этим же событиям относится и рассказ Матфея Эдесского о нападении «царя дейлемитов» — под 971 (!) г.; Матթэос Үրհайеци, стр. 11; франц. пер., стр. 9.

²⁰ См. Агаджанов-Юбашян, *К истории тюркских набегов*.

Аристакэс Ластиверти и его исторический труд

при Маназкерте (греч. Манцикерт) и пленением императора Романа IV Диогена, и составляет основное содержание нашего памятника. К описанию тюркского нашествия автор приступает в главе XI.

Первый набег был совершен в 1047 г., когда тюркские отряды через Васпуракан проникли в долину Басеана, плодородную местность южнее Эрзерума. «Они дошли до *гавара* Басеан, до *дастакерта*, который зовется Валаршаван, мечом, огнем и взятием в полон разорили 24 *гавара*» (стр. 87). Этот поход преследовал, вероятно, разведывательные цели. В следующем, 1048 году тюрки опять дошли до Басеана и Карина. Близ Смбатовой крепости, в области Мананаля, скопилось множество беженцев, и Аристакэс рисует потрясающую картину их поголовного избиения.

В последующих главах, довольно однообразных по манере изложения, подробно рассказывается о разорении Арцна, о поражении, которое понесли византийские войска в 1049 г. близ Басеана. В 1053 г. тюрки осадили столицу Ванандского царства Карс, захватили и подожгли ее; смерти избежали лишь те, кто скрылся в городской цитадели.

Подробно описывается поход 1054 г. (глава XVI), который возглавлял сам султан Тогрул-бек. Тюрки дошли до Маназкerta, но взять его не смогли и повернули обратно. Здесь же, между прочим, Аристакэс рассказывает о стычке у Баберда между тюркским отрядом и воинами известной варяго-русской дружины, состоявшей на византийской службе. «Повествование» остается пока единственным в армянской литературе памятником, сохранившим армянскую форму термина «варяги» — *вранги*.

Аристакэс продолжает свой рассказ о набегах на области հԱշտեանք, հԱնձէֆ, Խօրձեան, Мананаля — армянские территории, номинально относящиеся к Византийской империи, подробно описывает нападение на Мелитину. Выходец из округи Арцна, Аристакэс отлично разбирается в географии соседних областей, сообщает множество подробностей, почерпнутых, вероятно, из устного источника. Он прерывает свой рассказ, чтобы обличить нечестивых еретиков-тондракитов, и вновь

Аристакэс Ластивертци и его исторический труд

возвращается к сельджукам, описывая захват Ани султаном Алл-Арсланом в 1064 г. Заключительная глава XXV посвящена битве при Манцикерте, в которой византийский император Роман Диоген был разгромлен тюрками и попал в плен (1071 г.).

Главы, посвященные сельджукским нашествиям, имеют большую познавательную ценность. Автор сообщает подробные сведения о маршрутах походов, тактике, военной технике тюрок. Из его изложения яствует, что поначалу тюрки стремились лишь овладеть городами, чтобы захватить добычу, и не делали попыток создать свое политическое управление. Попутно Аристакэс приводит немногочисленные, но очень интересные сведения о торгово-ремесленных центрах Армении — Ани, Арцне, Карине и др. И хотя рассказ изобилует цитатами из библии и риторическими экскурсами, изложение действительных событий можно выделить без труда.

Нашествие тюрок Аристакэс Ластивертци воспринимает как величайшее бедствие. В беспредельной ненависти к врагам-поработителям тонет обязательная для христианского писателя враждебность к инаковерующим. Сельджуки — убийцы, разрушители, насильники и уж в самую последнюю очередь святотатцы. И если Аристакэс решается порой заговорить о каких-либо добрых чертах того или иного сельджукского вождя, то лишь для того, чтобы исключением подчеркнуть правило. Картинны избиений следуют одна за другой, ужасы нагромождаются, и в главе XXV кульминация: поражение византийских войск в битве при Манцикерте (под началом у Романа Диогена имелись также армянские и грузинские отряды) знаменует крах надежд на избавление. Современник и очевидец, Аристакэс неизбежно должен был сосредоточить внимание на разрушительных последствиях тюрksких набегов, отвлекаясь от прочих сторон такого сложного исторического явления, как сельджукское движение.

Риторический рассказ ведется по канве действительных событий, но автор претендует не только на достоверность и документальность, но и на эмоциональное воздействие. Например, описания побоищ призваны в первую очередь воздей-

Аристакэс Ластивертци и его исторический труд

ствовать на чувства читателя. Приближение врага описывается в эпических тонах: «В тот год над нашей страной разверзлись врата небесного гнева. Из Туркестана двинулось огромное войско, и кони их стремительны, как орлы, с копытами, подобными твердым камням. Их луки натянуты, стрелы заострены, они туго опоясаны, и не разорвать ремней на их сапогах. Они проникли в *газар* Васпуракан и напали на христиан, подобно изголодавшимся волкам» (стр. 86—87). Но вот неприятель проник за городские стены, и «города разрушены, дома сожжены, дворцы в пламени, царские палаты обращены в пепел. Мужчины перебиты на площадях, женщины покинули дома рабынями, грудные младенцы побиты о камни, и увили прекрасные лики отроков. Девы обесчещены на площадях, а юноши зарублены на виду у стариков. Треплются покрытые кровью благородные седины старцев, а тела их валяются на земле. Сверкают мечи врагов, они обессилели [от убийств]; лопнула тетива у луков, и в колчанах кончились стрелы, сами они изнемогают, но сердца их не стали милостивее...» Наконец кончилось побоище: «А после их ухода там можно было видеть страшное зрелище, достойное оплакивания, страшнее, чем прежде. Различны были предсмертные страдания. Некоторые из валявшихся еще дышали, у них от жажды пересохли языки, и они тихими, слабыми голосами просили утолить жажду, но некому было поднести [воды]. А тяжелораненые не могли произнести звука и задыхались. У тех было перерезано горло, и полумертвые, они еле хрюкали. У этих же ныли страшные раны, и они били ногами и рыли ногтями землю. Но там было еще более страшное зрелище, которое могло бы вызвать слезы и рыдания у камней и прочих бездыханных предметов. После того как неверные отвели пленных в горы, они стали вырывать младенцев из материнских объятий и швырять наземь, так что весь их стан кипел от обильной крови!» (стр. 88—90).

Аристакэс Ластивертци выступает как в качестве историка, так и публициста. Привлекаемый им исторический материал призван иллюстрировать его основную сентенцию. В целом отношение Аристакэса к тюркам настолько прямо-

Аристакэс Ластиверти и его исторический труд

линейно и последовательно, что дальнейшие комментарии были бы излишни. Отметим лишь, что ужасы сельджукского напастствия (наряду с приведенными выше причинами) в какой-то степени могли заставить автора терпимее относиться к другому врагу — Византии.

* * *

Третья тема «Повествования», весьма важная для понимания идейной направленности памятника, связана с историей тондракитской ереси в Армении²¹. Основную силу этого движения, охватившего многие области как восточной, так и в особенности западной части страны, составляли крестьяне, но ересь была распространена также среди неимущих слоев городского населения, в частности столицы ширакских Багратидов — Ани. И хотя к этому движению примыкали также представители аристократии и духовенства, характер его определяли угнетенные классы города и деревни. Это было широкое антифеодальное движение, которое на протяжении двух столетий приводило господствующие классы в трепет.

Вероучение тондракитов особой оригинальностью не отличалось: здесь мы наблюдаем обычное для народной ереси отрицание церкви с ее обрядностью, отрицание чудодейственной силы креста, отказ от признания святости девы Марии и т. п. Но в эти банальные идеи тондракиты (равно как и их собратья на западе и востоке) вкладывали революционное

²¹ См. последние работы в этой области: Ас. Мнацаканян, *О некоторых важных вопросах движения тондракитов*, — ИАН АрмССР, 1954, № 3 (на арм. яз.); А. Г. Иоаннисян, *Движение тондракитов в Армении (IX—XI вв.)*, — «Вопросы истории», 1954, № 10; его же, *Смбат Зарехаванци, его время и современники*, — ВМ, вып. 3, 1956 (на арм. яз.). В расширенном виде статья включена в монографию: А. Иоаннисян, *Очерки истории армянской освободительной мысли*, кн. I, Ереван, 1957, стр. 330—400 (на арм. яз.); С. П. Погосян, *Закрепощение крестьян и крестьянские движения в Армении в IX—XIII вв.*, Ереван, 1956 (на арм. яз.); К. Юзбашян, *Тондракитское движение в Армении и павликиане*, — ИАН АрмССР, 1956, № 9; Бартикан, *Легендарное происхождение павликиан*; В. Григорян, *Новые сведения об авторе сочинения «Ключ истины» Иоаннэсе Иерее*, — ВМ, вып. 5, 1960 (на арм. яз.).

Аристакэс Ластиверти и его исторический труд

содержание и под этими лозунгами вели борьбу против социального неравноправия.

Тондракитское движение зародилось в первой половине IX в. и было возглавлено Смбатом, выходцем из деревни Зарехаван. В 70—80 годах того же столетия в него вливаются остатки разгромленных в Византии павликиан, и это придает движению широкий размах. Хотя наши источники крайне скучны, можно все же считать, что в X в. движение продолжало шириться и развиваться. Если верна догадка Р. М. Бартиканяна²², то в 970 г. Иоанн Цимисхий переселил во Фракию именно тондракитов. В XI в. тондракитское движение было представлено рядом течений, одно из которых между прочим генетически восходило к византийским павликианам-кайнохритам, о которых говорит ряд византийских авторов. В 50-х годах XI в. тондракитские общины были разгромлены Григором Магистром, одним из крупнейших армянских феодалов, который к этому времени стал дуком византийской фемы Месопотамии.

Тондракитам Аристакэс посвящает главы XXII и XXIII своего труда и повествует о событиях, происходивших в hArke и Мананайи, то есть тех областях Юго-Западной Армении, о которых наш автор имеет наиболее полное представление. Хронологически же эти события восходят ко времени католикоса Саргиса Севансского (992—1019). Аристакэс рассказывает, как hАрский епископ Йакоб выдавал себя за праведника и как повсюду распространялась его слава. На самом же деле, поясняет автор, он был заражен нечестивой ересью и старался обратить в нее послушных его воле иереев. Церковный собор дважды пытался пресечь его деятельность, но «лицемерный образ Йакоба опутал всех ишханов газара словно цепями, и они поклялись скорее умереть в бою, чем выдать его собору». В своей решительности, желчно отмечает Аристакэс, он уповал на помощь не бога, а ишханов. Дальше рассказывается, что Йакоба удалось схватить лишь с помощью предателя, после чего отступник бежал в Константинополь.

²² Бартикан, *Легендарное происхождение павликиан*, стр. 86—89.

Аристакэс Ластиверти и его исторический труд

Он пытался принять греческую веру, был отвергнут, после чего явился в деревню Тондрак (где когда-то зародилась эта ересь) и там на некоторое время обрел пристанище. Вскоре, однако, он был изгнан своими соумышленниками и умер в г. Майяфарикине.

В главе XXIII рассказывается об иноке Кунцике, который сам впал в нечестивую ересь и вовлек в нее женщину по имени һРанойш, «а происходила она из первенствующего и знатного рода». һРанойш в свою очередь приобщила к ереси двух сестер, которые владели перешедшими к ним по наследству деревнями. Следующей жертвой оказался их брат *ишхан* Врвэр, в прошлом отличавшийся крайней благочестивостью. Врвэр проповедовал нечестивое учение среди жителей принадлежавших сестрам деревень. Крестьяне разгромили свою церковь близ города Базмайлбюр и разбили крест. Дали знать патриарху, и лишь после этого удалось схватить шесть еретиков-проповедников и заклеймить их «лисым знаком». По приказу царя (очевидно, Гагика I) туда был послан судья, но Врвэр сумел настроить его против своих врагов-епископов, и те были взяты под стражу. Только чудесное знамение, утверждает автор, помогло судье понять, кто такой в действительности Врвэр. Тем не менее судья обошелся с Врвэром милостиво, «ибо брат нечестивца своим княжеским достоинством и мужественной отвагой принадлежал к числу избранных и был лично известен царю». Затем Врвэра постигла небесная кара: он оказался жертвой проказы и умер, так и не отказавшись от ереси.

Как верный служитель церкви и как выражитель интересов господствующего класса Аристакэс питает к тондракитам острую ненависть. Аристакэс Ластиверти создавал свой труд в период, когда в памяти его современников еще не сгладилось впечатление от грозной вспышки классовой борьбы и от страшной резни, учиненной еретикам Григорием Магистром. Однако наш автор совершенно умалчивает об этих событиях и, резко нарушая хронологическую последовательность своего изложения, обращается к отдельным эпизодам конца X или начала XI столетия. «Мы сочли неуме-

Аристакэс Ластиверти и его исторический труд

стным описать отвратительную деятельность еретиков... Слух не у каждого стоек, упоминание о многих прегрешениях увлекает внимающего и даже подталкивает его к подобным действиям», — весьма определенно излагает автор свою позицию. И одной лишь фразой он характеризует сущность секты: «Они не приемлют церковь и церковный чин, [не признают] ни крещения, ни великого и страшного таинства литургии, ни креста, ни поста» (стр. 127).

Таким образом, автор отвлекает внимание читателя от сравнительно недавних событий, связанных с движением, всячески стремится уберечь его от соблазна и включает в свое повествование местные предания чуть ли не столетней давности, которые преподносятся в соответствующем оформлении. Две главы, посвященные тондракитам, являются по существу не чем иным, как воинственной проповедью против «отвратительных», с точки зрения правоверного держовника, нравов еретиков.

Умышленно односторонний подход к оценке движения проявляется и в другом. Нам известно, что тондракитство было преимущественно народным движением. А о ком рассказывает наш автор? О знатной dame һРанойш, о сестрах Ахни и Камарай, владелицах деревень, об *ишхане* Врвэрѣ (при этом становится известным, что брат Врвэра был близок царскому двору). Он говорит о судье, который с подозрительным милосердием отнесся к еретику. О зараженном нечестивым учением епископе Йакобе и «послушных его воле» иерархах, причем взгляды их разделяют местные *ишханы*. Рассказывает он, наконец, об упоминаемом выше Кунцике, также принадлежавшем к духовному званию. Таким образом, обращаясь даже к ставшему уже далеким прошлому, автор всячески стремится внушить читателю, что тондракитство не могучее движение угнетенных низов, а всего лишь аристократическая ересь, которая находила немногочисленных приверженцев среди знати и духовенства. Но умалчивая о событиях, которые могли бы дать представление о действительном размахе движения, он как верный служитель церкви не считает себя вправе совершенно абстрагироваться от гроз-

Аристакэс Ластивертци и его исторический труд

ной опасности, исходящей от тондракитства. И, повествуя об этих Кунциках и Врвэрех, автор обретает возможность высказать свое отношение к секте вообще и настроить читателя в желанном для него направлении. Одновременно он как будто стремится показать, что если бы знать уберегла себя от скверны, то современникам Аристакэса не пришлось бы стать свидетелями вспышки классовой борьбы, потрясшей основы общества.

В период, когда тондракитство наносило церкви удар за ударом, Аристакэс выступает страстным проповедником религиозных идеалов и, стремясь в полной мере приобщить к ним читателя, часто вкрашивается в повествование красочные описания церковной обрядности. Вот как пишет он об анийских церквах: «Они своими стройными зданиями, пышными украшениями, неугасимым огнем лампад и светильников (их живой свет разливается в воздухе и дрожит, словно морские волны, когда те в спокойное время колеблет и сталкивает легкий ветерок) являли небесное зрелище. Сладкий дымок ладана, зажженного щедрыми дароносцами, был подобен цвету вишневых деревьев, которые растут на вершинах гор и вбирают [в себя] солнечные лучи. И какой язык в состоянии поведать об обитателях монастырей, о сладости песнопений и беспрерывных псалмопениях, о чтении божественных книг, о господних праздниках и почитании мучеников...» (стр. 79–80). Изложение его порой выливается в страстную молитву, что вполне согласуется с сугубо религиозным мышлением Аристакэса. Последнее обстоятельство и обусловило концепцию,ложенную в основу сочинения, ибо к какой бы теме ни обращался Аристакэс Ластивертци, он в первую очередь — верный сын церкви.

* * *

Наш автор — историк общеармянский, в поле его зрения — судьба народа в целом, и это во многом определяет направленность философских экскурсов «Повествования». Идея единства армянского народа, которая в значительной степени

Аристакэс Ластивертци и его исторический труд

была обусловлена жестокой необходимостью постоянной борьбы против иноzemных поработителей, отражена уже в ранних памятниках армянской историографической литературы. В сочинении Аристакэса Ластивертци эта идея получила дальнейшее развитие. Этим помимо прочих обстоятельств определяется место «Повествования» среди многочисленных исторических трудов средневековой Армении.

Аристакэс Ластивертци жил в эпоху острой политической борьбы. Атмосфера этой борьбы — классовой и политической, усугубленная внешними факторами, и породила то тревожное настроение, которое свойственно сочинению Аристакэса.

По своим взглядам Аристакэс — явный горожанин. Описанию жизни в деревнях он уделяет очень мало места, зато с удовольствием описывает богатства и кипучую жизнь Ани, Арцна, Карса, Мелитины и других городов. Карс, пишет он, с давних времен «был избавлен от бедствий, посему жители пребывали в безмятежности и богатели, накапливая щедроты моря и суши» (стр. 96). Арцн своим великолепием славился во всем мире. *Ишханы* Арцна, говорит автор, были человеколюбивы, судьи справедливы и неподкупны. Купцы строили церкви. Торговали честно. Прибыль, получаемая от ростовщичества, порицалась. Посему они и благоденствовали.

Но в той же главе XII, посвященной разграблению Арцна, он пишет, как *ишханы* уподобились разбойникам и обратились в рабов серебра. Судьи выносили решения за взятки и ради них попирали законы. Чрезмерные проценты стали обычным явлением. «Тот, кто обманывал другого, гордился своей сообразительностью, а кто грабил, заявлял: я могуч! Знатные обирали дома соседей-бедняков, вторгались в пределы их полей...» (стр. 91). Говоря о захвате Ани отрядами Али-Арслана в 1064 г., Аристакэс восклицает: «Таков удел неправедных городов, которые обстраиваются ценой крови чужеземцев, процветают за счет пота бедняков, ростовщичеством и несправедливыми сделками укрепляют свои дома. Безжалостные к неимущим, они стремятся лишь к веселью и неге, не чуждаются грязных дел...» (стр. 129). Стяжательство

Аристакэс Ластиверти и его исторический труд

стало характерной чертой эпохи, ему поддался даже католикос Петрос.

Как уже говорилось, исторический труд Аристакэса посвящен описанию постигших Армению ударов. В ритмическом прологе автор характеризует свою эпоху как время великих страданий:

Наступили для нас дни мучений,
и постигли нас великие бедствия

* * * * *

Иссякло дыхание, мы гибнем в отчаянии,
нас поглотила всемогущая смерть,
а преисподняя смолчала при этом!

* * * * *

С четырех сторон ныне войны проснулись:
с востока — меч, с запада — гибель,
с севера — пламя, с юга — смерть!

С точки зрения Аристакэса все эти беды — неотвратимое возмездие за греховность человеческой природы:

Ибо переполнилась мера грехов,
и суетный глас наш вознесся к богу!

Но Аристакэс не ограничивается этим толкованием возмездия за грехи, в той или иной мере свойственным всей христианской литературе. Как правильно подметил еще Манук Абегян²³, постигшие Армению бедствия Аристакэс объясняет не греховностью человека вообще, но грехом, совершенным народом в целом:

Каждый смертный свой путь осквернил,
страна исполнилась нечестивости,
убавилась справедливость, возросло беспутство,
мирянин и иерей изолгались перед богом.

Потому-то, заключает Аристакэс, нас смогли изгнать из нашего обиталища, надругавшись над нашей честью и потопив славу. Нашествие сельджуков явилось страшным,

²³ Абегян, История древнеармянской литературы, кн. II, стр. 36.

Аристакэс Ластиверти и его исторический труд

но справедливым ударом: «Мы не служили господу, так послужим чужестранцам, презрели страх божий — день за днем нас будет преследовать страх перед ними... И [бог] не только вразумил нас за грехи наши, но с милосердием и состраданием вверг нас в горнило, дабы наставить на путь истинный и добрый» (стр. 135). И в последних строчках своего сочинения в полном соответствии с этими мыслями он объясняет назначение своего труда: «...мы все это изложили с целью, чтобы, прочтя, вы узнали — грех был причиной всего постигшего нас. Чтобы взирая на нас, вы трепетали перед богом, дрожали от страха перед его могуществом. И своевременной исповедью и покаянием предупреждали [наказание], а не вызвали [возмездие], став его жертвой» (стр. 137).

Не видя исхода, он весь во власти глубокого пессимизма по поводу будущих судеб родного народа. Но, оставаясь в пределах теологического мышления, происходящие вокруг него явления Аристакэс рассматривал как творимые народом греховные деяния, а бедствия, постигшие Армению, воспринимал как возмездие за них.

* * *

В самом конце своего послесловия Аристакэс заявляет, что он обратился «к древним летописям, чтобы должным образом, приличествующими словами они наложили отпечаток на эту книгу, где достоверно собраны воедино события прошлого и настоящего». Речь идет не о литературных источниках «Повествования» (как могло бы показаться), а о сочинениях, использованных в качестве образца. Письменные источники, к которым прибегал Аристакэс, при разборе его сочинения установить довольно трудно. С уверенностью можно указать лишь на одного писателя, труд которого использовал Аристакэс. Это Стебаннос Таронаци, по прозванию Асолик, автор скромной по литературным достоинствам, но весьма насыщенной ценным фактическим материалом «Всеобщей истории», которая завершается смертью царя Гагика I²⁴. Оттуда Аристакэс использует

²⁴ Так утверждает Аристакэс в главе II. Дошедший же до нас в нескольких рукописях текст Асолика оканчивается событиями XI в.,

Аристакэс Ластивертци и его исторический труд

зовал факты, касающиеся смерти Давида Куропалата и прибытия императора Василия II в Тайк.

Обращаясь к политической истории Византии, Аристакэс, конечно, мог познакомиться с сочинениями греческих писателей, но о событиях в Армении он пишет на основании личных наблюдений, расспросов и т. д., во всяком случае как современник. Собственно говоря, его труд — это исторические мемуары о важнейших событиях истории Армении XI в. В них мы не найдем последовательного изложения, что характерно, например, для хронографии Матфея Эдесского или творения того же Асоляка. При этом «Повествование» — не столько ученый труд, сколько назидательное сочинение, правда на обширной исторической основе. И хотя изложение его пестрит цитатами из священного писания, Аристакэс проводит четкую грань между изложением реальных событий и экскурсами назидательного характера и не раз прерывает себя фразами вроде: «Но обратимся к нашей истории». Сочинению Аристакэса присущи и художественные достоинства. Наш автор следует определенной традиции, сложившейся в армянской исторической литературе. Художественность изложения свойственна ряду памятников армянской историографии, в наибольшей степени — труду Елишэ, посвященному перипетиям борьбы армян против иранского владычества в 450—451 гг. Художественные достоинства «Повествования» должны были усиливать его дидактическое воздействие.

Произведению Аристакэса Ластивертци свойственны большая эмоциональная насыщенность и взволнованность. В нем, разумеется, много риторики; при описании избиений он пользуется одинаковыми литературными приемами, грепит трафаретными метафорами. Но многие страницы «Повествования» отличает образность речи, способная увлечь и современ-

после чего следует колофон автора. Приходится допустить, что заключительные (равно как и начальные) главы «Всеобщей истории» по тем или иным соображениям были изъяты анонимным редактором. Ср. Асоляк, русск. пер., стр. VII—IX.

Аристакэс Ластивертци и его исторический труд

ного читателя. Используя библейский образ, он, например, следующими словами рисует положение Армении после набега сельджуков: «... испила страна наша Армянская этого несмешанного вина и горько опьянала. Погрузилась в дремоту, утратила разум, испив все до конца. И лежит она на перекрестке всех дорог, обнаженная и обесчещенная, и попирают ее прохожие. Она покинула дом свой, удалилась от знакомых, отреклась от семьи и родных, стала пленницей всех народов!» (стр. 87—88). Некоторые сравнения как будто выхвачены из реальной жизни: «И страна наша стала походить на поле, когда наступает время жатвы: вслед за косцами двигаются вязальщики, и они оставляют за собой лишь колоски и живые для пастьбы скота» (стр. 95). Нередко Аристакэс реалистически воспроизводит живую речь того или иного исторического лица. Аристакэса Ластивертци можно сравнить с талантливым средневековым миниатюристом: оба творят в рамках устойчивого канона, но природный дар позволяет им предельно использовать предоставленные возможности, чтобы создать волнующее художественное произведение.

Как и следовало ожидать, язык нашего памятника — грабар, древнеармянский литературный язык, наиболее ранний образец которого (Библия) восходит к началу V в. При всех своих богатейших возможностях в XI в. грабар переставал быть живым языком. Аристакэс в совершенстве владеет грабаром, но он не пурист, и в сочинении его бросается в глаза явное стремление примирить школьную каноничность литературного языка с эмоциями разговорной речи. Образный стиль «Повествования» обеспечивает ему достойное место среди лучших памятников армянской историографической прозы.

* * *

Труд Аристакэса Ластивертци впервые был издан мхитаристами в Венеции в 1844 г.²⁵. В основу сводного текста были

²⁵ «Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци», Венеция, 0-в св. Лазаря, 1844 (*Պատմութիւն Արիստակեայ վարդապետի Լաստիվերտցւոյ, Վենիսիկ, Ս. Ղազար, 1844*).

Аристакэс Ластивертци и его исторический труд

положены четыре рукописи XVIII или начала XIX в. Во время печатания издателям стала доступна еще одна рукопись, переписанная в 1824 г. и хранящаяся в Парижской национальной библиотеке²⁶. Текст «Повествования» опубликован в обычной для мхитаристов того времени манере: описания рукописей отсутствуют, разнотечения приводятся выборочно и сопровождаются неопределенными пометками вроде: «в двух рукописях», «так во всех рукописях» и т. п. Последующие издания — венецианская 1901 г. и тифлисская 1912 г. — воспроизводят первое. Таким образом, до недавнего времени в научном обиходе имелся единственный вариант сводного текста, подготовленный в середине прошлого века. С этого текста выполнен французский перевод Эвариста Прюдома²⁷ и новоармянский — Минаса Тэр-Петросянца²⁸.

В настоящее время методика публикаций, принятая мхитаристами в XIX в., устарела. Она вынуждала исследователя слепо верить изданному тексту и ограничивала возможности критики памятника, поскольку реконструкции и конъектуры уместны лишь после того, как исчерпаны данные рукописей. Что же касается нашего автора, то в литературе высказывались сомнения, насколько изданный текст верно воспроизводит сочинение Аристакэса в его первоначальном виде²⁹. Подобные соображения побудили автора этих строк в 1956—1958 гг. подготовить новый вариант компаративного текста «Повествования» Аристакэса Ластивертци с использованием девяти

Аристакэс Ластивертци и его исторический труд

рукописей ереванского Матенадарана³⁰ и одной — Института народов Азии Академии наук СССР³¹; при этом, разумеется, был учтен и изданный текст с приведенными разнотечениями. Изданию памятника предшествует текстологическое предисловие, в котором дается подробное описание использованных рукописей и их оценка. Основной текст реконструирован, т. е. он не совпадает с каким-либо рукописным вариантом, но воссоздан в пределах сохранившихся рукописями чтений. В подстрочном аппарате даются все те разнотечения, которые, по мнению издателя, внесены переписчиками. Этот метод в данном случае был оправдан тем, что рукописные редакции очень близки между собой и разнятся лишь в отдельных чтениях³².

Сравнительно большое число использованных рукописей позволило внести в текст некоторые существенные корректировки. Ряд исправлений устраняет стилистические шероховатости первого издания. В целом же текстологический анализ показывает, что сочинение Аристакэса Ластивертци дошло до нас в достаточно близком подлиннику виде, и это позволяет с большей уверенностью делать выводы по поводу содержания этого памятника.

Труд Аристакэса Ластивертци был по достоинству оценен уже в конце XVIII в.³³ (хотя уже и средневековые авторы оценивали его весьма лестно) и с тех пор продолжает привлекать пристальное внимание арменистов. С появлением же

²⁶ См. F. Macler, *Catalogue des manuscrits arméniens et géorgiens*, Paris, 1898, № 224, p. 120. Издатели сочинения Аристакэса ошибочно указывают, что рукопись переписана в 1825 г.

²⁷ *Histoire d'Arménie comprenant la fin du royaume d'Ani et le commencement de l'invasion des seldjoukides par Arisdaguès de Lasdiverd*, traduite par M. E. Prud'homme, Paris, 1864.

²⁸ «История Армении вардапета Аристакэса Ластивертци», Александрия, 1893 (*Արդարակէս Լաստիվերտցի գարդապէտի Հայոց պատմութիւնը, Թարգմանեց Մինաս Քահանայ Տէր-Պետրոսինց. Աղքանդրոսի*, 1893).

²⁹ См.: Грен, *Династия Багратидов в Армении*, стр. 54; Марр, *Ani*, стр. 126, прим. 81.

³⁰ Матенадаран, собр. арм. рук., № 2865, лл. 222а—276а; № 3160, лл. 355а—442б; № 3070, лл. 159а—225б; № 1482, лл. 90а—111а; № 4584, лл. 59б—74а; № 2796, № 1875 и № 6457. Первая из перечисленных рукописей — древнейшая, относится к XIII—XIV вв.

³¹ Рукописный отдел Института народов Азии АН СССР, собр. арм. рук., № В-66. Эта рукопись является копией № 3070.

³² «Повествование Аристакэса Ластивертци». Текст подготовил и снабдил предисловием К. Н. Юзбашян, Ереван, 1963. [Рецензии]: ВВ, XXV, 1964, стр. 274; «Базмавәп», Венеция, 1963, январь—март, стр. 59—60 (на арм. яз.).

³³ Еще не опубликованный, он в рукописи был широко использован М. Чамчяном в его «Истории Армении» [т. II, Венеция, 1785 (на арм. яз.)].

Аристакэс Ластивертци и его исторический труд

французского перевода он широко вошел в международный научный оборот³⁴. К «Повествованию» как историческому источнику обращаются и византиноведы и историки-востоковеды. Между тем французский перевод памятника (в котором опущены как пролог, так и послесловие автора) уже устарел, а в ряде случаев основан на неправильных чтениях. Кроме того, он был издан около столетия назад и давно стал библиографической редкостью. Поэтому издание нового русского перевода, выполненного с критического текста, представляется вполне оправданным.

Стремясь передать содержание подлинника с возможной точностью, переводчик тем не менее старался избегать рабского повторения периодов и конструкций, характерных для текста памятника, помня, что «Повествование» не только ученый труд, но и художественное произведение. Это же стремление обусловило и несколько архаичный язык перевода. Перевод «Повествования» выполнен по тексту нового издания, сочинение переведено полностью, за исключением религиозно-богословских экскурсов, которые лишены реального содержания и, являясь выражением литературной манеры средневековья, сами по себе для понимания авторского замысла ничего не дают. Эти купюры обозначены в тексте многоточием, заключенным в квадратные скобки³⁵.

Переводы выдержек из Ветхого и Нового заветов в большинстве случаев заимствованы из русского издания Библии (М., 1956) и не претендуют на полное соответствие тем чтениям, которые использованы Аристакэсом. Последние могут представить интерес для критики армянской Библии, но лишь в том случае, если будут изучаться в подлиннике, почему мы и допустили известную вольность при их переводе.

Историко-филологический комментарий призван помочь читателю правильно понять текст памятника, и это обуславливает пределы использования литературы. Естественно, для

³⁴ Библиографию работ, посвященных Аристакэсу Ластивертци (составлена А. С. Анасяном), см. Новое издание, сгр. 149—153.

³⁵ Подобные купюры сделаны и во французском переводе.

Аристакэс Ластивертци и его исторический труд

анализа отраженных в «Повествовании» событий этот комментарий явно недостаточен³⁶. Работа завершается указателями: имен, этно-географических названий и предметно-терминологическим.

Остается сказать несколько слов о принятой в переводе транслитерации собственных имен и терминов.

В 1858 г. Н. О. Эмин опубликовал свой знаменитый перевод «Истории Армении Моисея Хоренского»³⁷ и тем самым положил начало научным переводам памятников средневековой армянской литературы на русский язык. В своем труде Н. О. Эмин стремился выполнить все требования современной ему науки и не мог, естественно, обойти вопросы, связанные с передачей армянских собственных имен и географических названий. Для «выражения в русском правописании особенностей звуков некоторых армянских букв, которым равносильных не представляет русская азбука», Эмин воспользовался рядом диакритических знаков, аффрикаты же передавал описательно. Таким образом армянскому *թ* соответствовало *т̄*, арм. *փ* — *ѣ*, *ք* — *ѣ*, *չ* — *х*, *դ* — *тц*, *ձ* — *дц*, *՚* — *тч*, *՚* — *дж*. Для передачи армянского *ը* Эмин пользовался знаком *ё*.

Система Н. О. Эмина была далека от совершенства, разница между знаками армянского алфавита и соответственно звуками выявлялась не всегда. Так, армянские *ի* и *և* передавались при помощи русского *х*, разница между *ո* и *ու* никак не отражалась. В самом тексте нетрудно обнаружить многочисленные отступления от предложенной переводчиком системы. Так, арм. *Վերտանէս* следовало бы передать в форме *Вेरтанэс*, а не *Вёртанес*, как в тексте (стр. 166, 167); арм. *Մանահի* фигурирует в форме *Мананахи* вместо ожидаемого *Мананахи* (стр. 201) и пр. Тем не менее при всем несовершенстве этой транскрипции Эмин был первым переводчиком, предпринявшим попытку выработать правила для передачи армянских собствен-

³⁶ Эти вопросы будут освещены в специальной работе, раскрывающей армяно-византийские отношения и родственные проблемы.

³⁷ «История Армении Моисея Хоренского», перевел с армянского и объяснил Н. Эмин, М., 1858.

ных имен и выделения звуков, характерных для армянского языка.

В конце прошлого и начале текущего столетия, когда русская арmenистика переживала пору блестящего расцвета, вульгарная передача армянских собственных имен совершенно исключалась. В трудах Н. Я. Марра, Г. А. Халатяна, Н. Г. Адоица, И. А. Орбели широко используются диакритические знаки; с помощью несложного ключа можно было точно воспроизвести подлинное армянское написание. В основе всех этих систем лежали по существу принципы Эмина; они передавали армянские имена средствами преимущественно русской графики, но эти системы были значительно совершеннее и полнее, не говоря уже о том, что применялись они гораздо последовательнее. Вряд ли нужно доказывать, сколь необходима в научном переводе правильная, исключающая двусмысленное толкование передача собственных имен и терминов. Тем не менее в последние годы вульгарное написание укоренилось во многих русских работах по арменоведению. Так, стала обычной передача армянского Վ через русское г — *Ваган* (*Վահան*); иногда этот знак опускается — *Айр* (*Հայր*) или передается через русское х — *сепух* (*սեպուհ*). Одновременно с передачей арм. Վ русское г обозначает также арм. Գ — *Глак* (*Գլակ*). Разница между Վ и Ղ стирается — *Валаршак* (*Վալարշակ*) и *Еревеал* (*Երեւեալ*)³⁸.

В настоящем переводе принятая система транслитерации на основе современной русской графики; с ее помощью обеспечивается точная передача собственных имен и терминов, следовательно, восстановление при необходимости оригинального написания. Речь идет именно о транслитерации, т. е. точном воспроизведении графического облика данного имени, а не о фонетической или фонематической транскрипции. Предпочтение отдано тем знакам русского алфавита, которые создадут у читателя известное представление не только о написании, но и о звучании данного имени. Учтено также, что

³⁸ Эти типичные примеры заимствованы из «Истории Армении Фавстоса Бузанда», русск. пер. М. А. Геворгяна, Ереван, 1953.

транслитерированные имена будут фигурировать в обычном русском контексте, поэтому их оформление не должно препятствовать легкому чтению. Система приспособлена к современному восточноармянскому произношению, которое в научном обиходе распространяется на язык на всех этапах его развития³⁹.

Для передачи 25 знаков армянской графики можно воспользоваться соответствующими знаками русского алфавита:

ա — а	ժ — ж	ն — н	տ — т
բ — б	ի — и	շ — շ	ր — ր
գ — գ	լ — լ	օ — օ	զ — զ
դ — դ	խ — խ	գ — գ	ֆ — ֆ ⁴¹
ե — ե	կ — կ	պ — պ	
զ — զ	մ — մ	ս — ս	
է — է	յ — յ ⁴⁰	վ — վ	

Прочие знаки армянской графики передаются с помощью дополнительных знаков и диакритик.

՛ — среднеязычный гласный среднего подъема; для его выражения в транскрипции обычно пользуются перевернутым е: ՚⁴². Этот знак сохранен и в предлагаемой системе.

Для придыхательных согласных Ռ, Փ, Ք использован апостроф в обратную сторону, который ставится над соответствующими буквами русского алфавита — ՚, ՚, ՚. Этот диакритический знак для передачи аспирации широко распространен в международных транскрипциях.

Фарингализованные аффрикаты Ձ и Շ обозначены соответственно Շ и Շ (в отличие от предыдущей диакритики знак ՚ обозначает характерное для этих звуков отсутствие

³⁹ В зарубежной литературе при транслитерации руководствуются обычно западноармянским произношением с характерным для последнего оглушением звонких и озвончением глухих согласных.

⁴⁰ В настоящее время среднеязычный сонант յ в начале слова по звучанию не отличается от фарингального ՚.

⁴¹ Знак появляется не раньше XIII в. и поначалу служит для передачи в заимствованных словах европейского f.

⁴² Из новых пособий см., например, H. Jensen, *Altarmenische Grammatik*, Heidelberg, 1959,

Аристакэс Ластиверти и его исторический труд

аспирации); *ջ* и *ճ* передаются буквенными сочетаниями — *ժժ* и *ժՃ*.

Фарингальный *հ* передается обычно с помощью лат. *h*, этот знак принят и в настоящей системе.

Буква *դ* в древности передавала мягкое л и в заимствованных из греческого словах соответствовала лямбде. Впоследствии звук превратился в звонкий увулярный щелевой. В предлагаемой системе предпочтение отдано знаку *լ*, поскольку он точнее всего передает историческое звучание⁴³. В то же время в поздних заимствованиях *դ* служит также для передачи арабского, персидского или тюркского *չ*. Для этих случаев предусмотрен знак *՞*⁴⁴, так что имя Павел в армянской транслитерации обретет вид *Պավլօս*, а Тогрул — *Տոգրուլ*.

Помимо простого в армянском языке имеется раскатистое *ր — ռ*; для него принят знак *ր*⁴⁵.

Губногубной *ւ*, за исключением немногих заимствованных имен, представляет собой исход дифтонгов. Его транслитерационный знак — *ւ*.

Для диграфа *և* (в отличие от его пространного написания *ԵՎ* и *Եւ*) предусмотрен знак *ւ*.

Для *օ*, которое появилось в XIII в. и служило для обозначения дифтонга *աւ* (выродившегося в простой звук), выбор пал на *օ*⁴⁶.

С помощью приведенных знаков можно воспроизвести любое графическое сочетание, допустимое в древнеармянском. Тем не менее с целью облегчения чтения, в систему включены русские *у* и *ю*, первое для *ու*, второе для *յւ*. Сочетание букв *ու* передает заднеязычный гласный верхнего подъема,

⁴³ В транскрипциях на латинской основе обозначается *l* или *ł*.

⁴⁴ Ср. Г. Ш. Сердюченко, *О русской транскрипции для знаков зарубежного Востока*, — «Проблемы востоковедения», 1960, № 3, стр. 104.

⁴⁵ В грамматике Г. Иенсена *՞*.

⁴⁶ У Г. Иенсена — *օ*; крошечка над буквой предпочтительнее, так как в русских работах она в отличие от черточки для обозначения долготы звука не употребляется.

Аристакэс Ластиверти и его исторический труд

сходный с русским *у*⁴⁷. Дифтонг *իւ* в закрытом слоге звучал подобно франц. *u* или нем. *ü*. В открытом слоге этот дифтонг передается с помощью знаков, принятых для его составляющих — *և*.

Итак, принятую систему транслитерации можно представить следующим образом:

<i>ա — а</i>	<i>ժ — ժ</i>	<i>կ — կ</i>	<i>ռ — ռ</i>	<i>օ — օ</i>
<i>բ — բ</i>	<i>իւ — իւ</i>	<i>մ — մ</i>	<i>ս — ս</i>	<i>ֆ — ֆ</i>
<i>գ — գ</i>	<i>լ — լ</i>	<i>յ — յ</i>	<i>վ — վ</i>	
<i>դ — դ</i>	<i>իւ — իւ</i>	<i>ն — ն</i>	<i>տ — տ</i>	
<i>ե — ե</i>	<i>ձ — ձ</i>	<i>շ — շ</i>	<i>ր — ր</i>	<i>ու — ու</i>
<i>զ — զ</i>	<i>կ — կ</i>	<i>օ — օ</i>	<i>ց — ց</i>	<i>իւ — յւ</i>
<i>է — է</i>	<i>հ — հ</i>	<i>չ — չ</i>	<i>վ — վ</i>	<i>ւ — ւ</i>
<i>ը — ը</i>	<i>ձ — ձ</i>	<i>պ — պ</i>	<i>ին — ին</i>	
<i>թ — թ</i>	<i>դ — դ</i>	<i>ջ — ջ</i>	<i>ք — ք</i>	

В переводе армянские собственные имена и термины, за редкими исключениями, приводятся в транслитерации⁴⁸.

К. Н. Юзбашян

⁴⁷ В современном армянском *ու* перед гласным превращается обычно в губногубной щелевой *՞* — русск. *v*; это произношение распространяется и на грабар.

⁴⁸ Эта система применена в статьях: Юзбашян, *Дейлемиты*; Агаджанов-Юзбашян, *К истории тюркских набегов*. Близость звукового состава армянского и грузинского языков позволяет распространить ее с некоторыми изменениями и на грузинскую графику. Ср. С. С. Кабабадзе, *Грузинские документы Института народов Азии АН СССР*, М., 1967.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

аван 70, 79, 81, 108, 110, 121, 115, 124, 125, 150
агарак 65, 67, 82, 106, 112, 121—123, 146
азат 26, 56, 62, 70, 81, 83, 84, 100, 142, 156
азнаури 142
алуесадрошм 170
антипатос патрик (антипат патрий) 24, 73, 151
ашхарh 142

бабан 103, 104
бердақалак 75, 81, 100, 122, 152

вардапет 13, 82, 106, 107, 125
врәнги, βαραγγοι 31, 100, 165

гағар 31, 33, 35, 56, 59—63, 67—69, 77, 79, 81, 84, 86—89, 93, 96, 97, 99, 105, 108, 110—112, 115—121, 124, 125, 129, 131, 142, 144, 146, 149, 155, 161, 164, 165, 169, 173
гағарапет 153
глхағорк қаляқи 157
гюй (төрл) 146, 150
гюляқалак, χωρόπλιξ 106, 125, 167

дастакерт 31, 66, 75, 76, 87, 110, 116, 149

даңекан 67, 105, 149
демесликос (доместик) 24, 74, 152
жамаһар 102, 166
һзбр (динат) 24

иравунк 152
ишхан 35, 37, 39, 59, 61, 67, 68, 72, 79, 82, 85, 87, 91, 94, 95, 100, 102, 105, 108, 109, 111, 120, 123, 128, 129, 131, 134, 145, 157

мандатор, μανδάτωρ 103, 167
мілінеай (мілінә) 170, 171

наһанг 142
нахарары 133, 173

օքտանդրօս (орфанотроф) 24, 74, 152
ног, прония 24, 74, 151
пағекиманос (паракимомен) 19, 24, 70, 150
пайлакацик 146
пиликуан 102, 166

һрօг (руга) 24, 109, 151
синклитос (синклитик) 74, 152
сепүнгеский полк 83, 156
գայլութիւն, δικαιοσխη 154

SUMMARY

«Narration of the vardapet Aristakēs Lastivertçi about the disasters brought to us by neighbouring barbaric tribes» is one of the most remarkable monuments of mediaeval Armenian historiography. The author was contemporary and an eye-witness of the events he described, which explains the trustworthiness of his account. The «Narration» is not only a historic work, it is also a didactic composition, and striving to make the reader share his thoughts and feelings Lastivertçi often brings high artistic value to his chronicle.

The «Narration» was written in the seventies of the eleventh century (in 1087 at the latest) and covers the period from 1000 to 1071. The discussion centres around the three principal subjects of Armeno-Byzantine relations, the Seljuk invasion, and activities of T'ondrakit heretics.

Starting with a description of the arrival of the emperor Basilius II in Tajk', Lastivertçi passes to the story of the emperor's campaigns for the principality of Tajk', of his negotiations with the king of Armenia on transfer of Ani to Byzantine, of the occupation of Ani by Byzantians, etc. The author devotes some space to history of the Byzantine Empire revealing his good knowledge of many events of the palace life and policies and his mastery of the terminology, the reason being evidently the writer's descent from long-Byzantinized regions of Armenia.

In the chapters dealing with the Seljuks Aristakēs Lastivertçi gives detailed descriptions of routes of their invasion in Armenia, draws terrifying pictures of Turk raids, provides thorough accounts of military activities, touches upon Seljuks' arms, mode of life and habits. In spite of the author's outspoken animosity towards the Seljuks, the chapters devoted to the invasion are an indispensable source for its studies.

Two chapters of the work deal with the movement of T'ondrakits whose heresy was kindred to that of Paulicians, certain historic ties between the movements being easily discernible. In these chapters, however, Aristakēs Lastivertçi speaks only of T'ondrakits on the border of the tenth and the eleventh centuries, thus breaking the chronological thread of the «Narration» and thereby betraying his intention to conceal later events of the middle of the eleventh century when, after the heresy had become most widely spread, T'ondrakit communities were subjected to persecutions by the Byzantine government conjointly with Armenian feudals.

The original text of Aristakēs Lastivertçi's work was published in 1844 in Venici and republished in 1901 and 1912; the French translation by E. Prud'homme gave scholars a wide access to the chronicle. The present Russian translation has been made on the basis of the critical edition to the text published in Erevan in 1963. The translation is complete and unabridged but for certain omissions of theological digressions. The work is analysed as a whole in the introductory article, while the commentary confronts individual passages with evidence of other sources.

ПОВЕСТВОВАНИЕ
ВАРДАПЕТА АРИСТАКЭСА
ЛАСТИВЕРТЦИ

Утверждено к печати
Ученым советом Института народов Азии
Академии наук СССР

*

Редактор Т. М. Швецова
Технический редактор С. В. Цветкова
Корректор О. Л. Щигорева

*

Сдано в набор 4/VIII 1966 г.
Подписано к печати 14/XI 1968 г.
Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 1.
Печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 9,85.
Тираж 3000 экз. Изд. № 1675.
Зак. № 1136. Цена 79 коп.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
1-я типография издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12